

Оливье Гез

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ Йозефа Мензела

Оливье Гез

Исчезновение Йозефа Менгеле

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64837847
Исчезновение Йозефа Менгеле: ИД «Книжники»; Москва; 2020
ISBN 978-5-906999-41-2

Аннотация

«Ангел Смерти» – так называли Йозефа Менгеле заключенные Освенцима. Десятки тысяч стали жертвами его «медицинских опытов», от описания которых кровь стынет в жилах. После войны его искали, но так и не сумели найти. Кем же он был – этот скромный отпрыск зажиточной семьи, медик средних способностей, бестрепетно воспринявший бесчеловечные идеи нацизма? Один из ужасающих мифов XX века расследует в своем потрясающем романе французский писатель Оливье Гез, воскрешая судьбу «доктора Смерть» вплоть до самого конца, когда преследуемый всем миром, меняя имена и страны, Менгеле оказывается лицом к лицу с призраками страшного прошлого.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть первая	4
1	5
2	7
3	9
4	10
5	12
6	14
7	17
8	21
9	25
10	28
11	31
12	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Оливье Гез

Исчезновение

Йозефа Менгеле

*Памяти Ады и Джудитты Спицикино, Грации
Ди Сеньи и Россанны Кало*

*Ты, сделавший столько зла
простому человеку,
смеявшийся при виде страдания,
Не думай, что спасен —
Ибо поэт помнит.*

Чеслав Милош

Часть первая

Паша́

*Счастье заключается лишь в том, что
возбуждает, а возбуждает лишь преступление;
добродетель... не способна указать путь к
счастью.*

Маркиз де Сад

«Норд Кинг» рассекает грязно-бурые речные воды. Пассажиры, поднявшиеся на палубу еще до рассвета, вглядываются в горизонт, и вот теперь, когда подъемные краны судовой верфей и красные ряды пакгаузов прорвали туманную пелену, немцы запевают военный марш, итальянцы осеняют себя крестом, евреи молятся, не обращая внимания на моросящий дождь, а пары обнимаются: корабль после трехнедельного плавания прибыл в Буэнос-Айрес. И только Хельмут Грегор в одиночестве размышляет у леера.

Он рассчитывал, что за ним приплывет катер тайной полиции и канители с таможней удастся избежать. В Генуе он, садясь на корабль, упросил Курта оказать ему такую милость, представившись ученым, генетиком с именем в научных кругах, и предложил ему денег (у Грегора много денег), но проводник отвечал уклончиво и только улыбался: такие поблажки были уделом птиц высокого полета, больших чинов старого режима, лишь редко – гауптмана СС. Но все-таки он пошлет в Буэнос-Айрес каблогранму, пусть Грегор на него рассчитывает.

Свои марки Курт взял, но катер так и не приплыл. И вот Грегор терпеливо ждет в гигантском холле аргентинской таможни в очереди остальных эмигрантов. Он крепко держит два чемодана – большой и маленький – и надменно посмат-

ривает вокруг, на эту Европу в изгнании, эти длинные очереди элегантных или неряшливых незнакомцев, – покаплыли, он держался от них всех подальше. Грегор предпочитал любоваться океаном и звездами или читать у себя в каюте немецкую поэзию; он снова мысленно перебирал события четырех последних лет своей жизни с тех самых пор, как в январе 1945-го едва успел бежать из Польши и залечь на дно среди пленных вермахта, чтобы не угодить в лапы Красной армии; несколько недель провел в американском лагере для военнопленных, освободившись благодаря фальшивым документам на имя Фрица Ульманна; потом было славное убежище на цветущей ферме в Баварии, неподалеку от его родного городка Гюнцбурга, где он три года косил траву и перебирал картошку, говоря всем, что его зовут Фриц Ульманн; потом, два месяца назад, – бегство в пасхальное воскресенье, переход через Доломитовые Альпы по лесистым тропкам контрабандистов; вот он в Италии, в Южном Тироле, где стал Хельмутом Грегором, – и наконец-то Генуя и разбойник Курт, который помог ему с ходатайством к итальянским властям и переселением в Аргентину.

Беглец протягивает служащему таможи паспорт сотрудника Международного Красного Креста, с разрешением на въезд и визой: Хельмут Грегор, 1,74 метра, глаза каре-зеленые, родился 6 августа 1911 года в Термено, по-немецки – Трамин, коммуна Южный Тироль, немецкий гражданин итальянского происхождения, католик, по профессии механик. Адрес в Буэнос-Айресе: 2460, улица Ареналес, квартал Флорида, спросить Жерара Мальбранка.

Таможенник проверяет его багаж, аккуратно сложенную одежду, портрет женщины, нежной и белокурой, книги и несколько пластинок с записями опер; потом морщится, открывая маленький чемоданчик: там шприцы для подкожных инъекций, тетради с записями и анатомические рисунки, образцы крови – стоящие в ряд пробирки; необычно для механика. Он зовет портового медика.

Грегор вздрагивает. Он отважился на безумный риск, лишь бы сохранить этот дорожный сундучок, драгоценный плод многих и многих лет изысканий, всей его жизни, который он захватил с собой, поспешно оставляя польскую службу. Если б советские арестовали его и обнаружили этот сундучок, его ждал бы расстрел без суда и следствия. Продвигаясь на запад, он весной 1945-го, года страшного разгрома немцев, доверил его одной сочувствующей медсестре, кото-

рую потом нашел на востоке Германии, в советской оккупационной зоне, – невероятная встреча после его освобождения из американского лагеря и трех недель пути. Потом Грегор передал сундучок Хансу Зедльмайеру, другу детства и доверенному лицу своего отца-промышленника, – с этим Зедльмайером он регулярно встречался в лесах, окружавших ферму, где прятался три года. Грегор не уехал бы из Европы без этого сундучка: Зедльмайер его вернул ему перед отъездом в Италию, а внутри лежал пухлый конверт с наличностью; и вот сейчас какой-то идиот с грязной каемкой под ногтями может все испортить, думает Грегор, пока медик осматривает пробы крови и записи, сделанные убогим готическим почерком. Ничего не разобрав, спрашивает по-испански и по-немецки; механик объясняет ему: по призванию он биолог-любитель. Те переглядываются, и вот медик, которому давно пора завтракать, кивает таможеннику: этого можно пропустить.

В тот день, 22 июня 1949 года, Хельмут Грегор обрел убежище на аргентинской территории.

В Генуе Курт уверял, что в порту его встретит врач-немец и отвезет к Мальбранку; но и тут, похоже, проводник отделался только обещанием.

Грегор немного прошелся под дождем. Возможно, его связной стоит в пробках. Он обводит внимательным взглядом все набережные: суetyщихся докеров, семьи, вновь обретшие друг друга и уходящие с радостными лицами, стопки кож и тюки с шерстью в местах погрузки судов. Никакого врача-немца поблизости и в помине нет. Он смотрит на часы. Где-то ревет сирена рефрижераторного судна; встревоженный Грегор раздумывает: а не нагрянуть ли сразу к Мальбранку? – и все-таки решает подождать: так надежнее. Скоро из всех пассажиров «Норд Кинга» на набережной остается только он один.

Двое калабрийцев, нагруженные поклажей, точно мулы, предлагают ему сесть с ними в такси. Удивляясь сам себе, Грегор едет вместе с такими голодранцами – но в первый день на южноамериканской земле у него нет желания оставаться в одиночестве, и к тому же пойти ему некуда.

С теми же попутчиками он разделяет и комнату без умывальника и туалета в отеле «Палермо»; они насмеваются над ним: сам из Южного Тироля, а по-итальянски ни бельмеса! Он проклинает выбранный отель, но все-таки – экономия; принимает угощение – несколько ломтиков чесночной колбасы – и засыпает в изнеможении, положив рядом и крепко прижав к стенке дорожный сундучок, подальше от жадных взглядов обоих попутчиков.

На следующее утро Грегор сразу берется за дело. У Мальбранка не отвечает телефон; он вскакивает в такси, сдает чемоданчик в камеру хранения на вокзале и только после этого идет на тихую улочку квартала Флорида. Он звонит в дверь просторной виллы в неокOLONиальном стиле. Через час возвращается, опять звонит и потом, укрывшись в кафе, трижды набирает телефонный номер, но никто не отвечает.

Перед отплытием из Генуи Курт дал ему второй адрес в Буэнос-Айресе: Фридрих Шлоттман, немецкий бизнесмен, владелец процветающей текстильной фабрики. В 1947 году Шлоттман финансировал бегство авиаконструкторов и инженеров воздушных частей армии через Скандинавию. «Человек он влиятельный, сможет помочь тебе найти применение и завести друзей», – сказал Курт.

Приехав в главный офис «Седаланы»¹, Грегор всячески добивается встречи со Шлоттманом, но тот в отпуске до конца недели. Поскольку он настаивает, секретарша ведет его к кадровику – полунемцу, полуаргентинцу в двубортном костюме, чей вид сразу вызывает у него неприязнь. Грегор вполне мог бы занять должность менеджера, а этот юнец с набриолиненными волосами предлагает ему «весьма почетный» труд рабочего: чесать шерсть, ежедневно доставляемую из Патагонии, – удел прибывающих сюда пролетариев. Грегор сдерживается, хотя готов вцепиться в глотку этой шавке. Он, отпрыск известной семьи, дважды доктор наук – антропологии и медицины, должен чистить и отдраивать стриженные бараньи шкуры в компании индейцев и всяких понаехавших сюда чужаков, по десять часов в сутки дыша ядовитыми парами в пригороде Буэнос-Айреса? Грегор хлопает дверью перед носом у служащего и клянется спустить три шкуры с Курта, как только вернется в Европу.

¹ «Седалана» – знаменитая в те годы в Аргентине фабрика текстильных изделий. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Грегор подводит итоги, потягивая оранжад. Раздобыть работу, учить по сто слов на испанском языке каждый день, отыскать и прижучить Мальбранка, бывшего агента сети «Боливар» нацистской контрразведки – абвера; терпеливо пересидеть трудности в обществе двух калабрийцев, хотя он и мог бы позволить себе комфортабельный отель. Из их средиземноморского говора он понял только одно: оба фашисты, ветераны абиссинского похода. Солдаты не выдадут, но все равно с его ценной валютой лучше нигде не светиться – будущее туманно, а отвагой Грегор никогда не отличался.

Авельянеда, Ла-Бока, Монсеррат, Конгресо... Развернув карту, он знакомится с топографией Буэнос-Айреса и чувствует себя маленькой пешкой на шахматной доске, ничтожной блохой, – это он-то, еще недавно наводивший ужас на целое королевство. Грегор думает совсем о другой шахматной партии – о бараках, газовых камерах, крематориях, железнодорожных путях, среди которых он провел лучшие свои годы инженером по расовым вопросам, в запретном городе, пропитанном едким запахом плоти и жженных волос и окруженном сторожевыми вышками и колючей проволокой. На мотоцикле, велосипеде или автомобиле он ездил туда-сюда мимо безликих теней, неутомимый денди-каннибал, в начищенных до блеска сапогах, перчатках и мундире, в фураж-

ке немного набекрень. Встречаться с ним взглядами или обращаться к нему было строго запрещено; его боялись даже помощники по черным делам. На платформу, где отбирали привезенных из Европы евреев, они являлись вдрызг пьяными, но он оставался трезв и, улыбаясь, насвистывал несколько тактов из «Тоски». Никогда нельзя поддаваться человеческим чувствам. Милосердие – слабость; одним взмахом трости всемогущий вершил судьбы своих жертв: налево – немедленная смерть, газовые камеры; направо – смерть медленная, каторжный труд или его лаборатория, крупнейшая в мире, которую он снабжал «подходящим человеческим материалом» (карлики, исполины, калеки, близнецы) изо дня в день, как только прибывали поезда. Впрыснуть, оценить, зарезать; убивать, вскрывать, разделявать: к его услугам целый зоопарк подопытных детей, пусть только проникнет в тайны рождения близнецов, создаст сверхчеловеческую породу и вернет немцам плодовитость, чтобы в один прекрасный день заселить воинственными крестьянами весь восток Европы, вырванный у славян, и защитить арийскую расу. Хранитель чистоты расы и алхимик нового человека – после войны его ждали прекрасная университетская карьера и признание победоносного Рейха.

Напоить почву кровью – вот в чем его безумная жажда, великий замысел его верховного шефа Генриха Гиммлера. Освенцим, май 1943 – январь 1945.
Грегор – Ангел смерти, доктор Йозеф Менгеле.

Туман, проливные дожди: весь Буэнос-Айрес замер среди южной зимы, как и сам Грегор – он хандрит и валяется в кровати простуженный. Наблюдает за тараканом, как тот суетливо бежит, выскочив из вентиляционной трубы; под одеялами его всего трясет. С осени 1944 года ему еще не случалось так тяжело болеть. Советские войска закрепились в Центральной Европе; он знал, что война проиграна, и нервное истощение кончилось бессонницей. Его тогда поставила на ноги жена Ирена. Пожаловав на лето в Освенцим, она привезла ему первые фотографии их сына Рольфа, которому тогда исполнилось всего несколько месяцев, и они идиллически прожили несколько недель. Несмотря на грандиозность задачи – тогда привезли четыреста сорок тысяч венгерских евреев, – у них выдался второй медовый месяц. Газовые камеры работали без перерыва; Ирена и Йозеф купались в Соле. Эсэсовцы живьем сжигали во рвах мужчин, женщин и детей; Ирена с Йозефом ходили по чернику, и она потом варила варенье. Крематории вовсю выдыхали огонь; Ирена сосала у Йозефа, Йозеф трахал Ирену. Меньше чем за пару месяцев более трехсот двадцати тысяч венгерских евреев были уничтожены.

Когда в начале осени Йозефу грозила серьезная хворь, Ирена не отходила от него. Они переехали в новый барак с

ванной и кухней, а прислуживали им свидетели Иеговы.

Грегор смотрит на портрет Ирены, стоящий на ночном столике, – фото 1936 года, их первая встреча в Лейпциге. Он работал в университетской больнице, Ирена оказалась там проездом, она изучала историю искусств во Флоренции. Страсть нахлынула внезапно: молодая девушка, всего девятнадцать, хрупкое и бледное тело, облик Краховой Венеры – его идеал женщины.

Грегор кашляет и вспоминает Ирену в летнем платье, повисшую на его руке в английском саду в Мюнхене, Ирену, блаженно развалившуюся в «опеле», подпрыгивающем на автодорогах рейха в день их бракосочетания, перед самой войной. И он приходит в ярость, в который раз рассматривая на фото тонкие губы супруги. Она не пожелала ехать с ним в Аргентину вместе с малышом, отказалась от жизни заокеанской беглянки. Менгеле упомянут в американском списке военных преступников, и его имя звучало на множестве процессов.

На самом деле она просто от него избавилась. Шли годы, и, шатаясь по рощам и кабачкам, окружавшим его тайное баварское убежище, он чувствовал, как она все больше отдаляется от него. Зедльмайер, как и его отец и оба брата – Карл и Алоис, – сказали ему, что Ирена носит траур и при этом утешается в объятиях других мужчин. «Чтобы его прикрыть», она рассказала американской военной полиции, что он погиб в бою. «Сука», – простонал в мансарде «Палермо»

Грегор: сотоварищей, вернувшихся с фронта, жены встречали как настоящих героев, а его благоверная влюбилась в продавца башмаков из Фрибурга, спровадив его самого на порог небытия.

В ванной, что этажом выше, Грегор, обвязав полотенце вокруг талии, любит своею подтянутым животом и безволосым торсом, мягкостью эпидермиса. Он всегда холил и лелеял свою кожу. Братья и Ирена посмеивались над такой самовлюбленностью мидинетки, над тем, что он целые часы отдает водным процедурам и любованию своим отражением в зеркале, но он благословляет это кокетство, ведь оно спасло ему жизнь. В 1938 году, поступив на службу в СС, он отказался вытатуировать свой регистрационный номер под мышкой или на груди, как полагалось по правилам; и когда американцы после войны арестовали его, то приняли за простого солдата и через несколько недель отпустили на волю.

Грегор подходит к зеркалу и всматривается в надбровные дуги, немного выдающийся лоб, нос, лукавый изгиб губ, анфас и в профиль, потом вращает глазами – сперва обольстительно и вдруг серьезно и встревоженно. Инженер арийской расы давно уже задавался вопросом, каково происхождение его загадочной фамилии. Менгеле – подходит и для названия рождественского пирога, и для волосатого паука. Откуда у его кожи и шевелюры такой матовый отблеск? Однокурсники в Гюнцбурге прозвали его Беппо-цыган, а здесь, в Буэнос-Айресе, спрятавшись за темными усиками, он походит на идальго, на итальянца, на аргентинца. Грегор улыба-

ется, опрыскиваясь одеколоном, и тут обнажается щербинка между верхними резцами. Несмотря на разгром и бегство и на то, что Мальбранк по-прежнему неизвестно куда запропастился, он поборол болезнь и вот уже вполне здоровый самец. Для тридцативосьмилетнего мужчины, которого не пощадили ни жизнь, ни война, думает он, я еще обольстителен. Грегор зачесывает волосы назад, как у Уильяма Пауэлла² в «Деле об убийстве в питомнике», одевается и выходит. Небо посветлело, с Ла-Платы дует освежающий ветерок.

Он уже несколько дней прогуливается по Буэнос-Айресу. Грандиозный проспект 9 Июля с обелиском; Коррьентес, ее кабаре и книжные лавки; небоскреб Бароло и кафе в стиле ар-нуво на Авенида-де-Майо; лужайки в парке Палермо, на которых набросано так много засаленных бумажек; центральные городские артерии, запруженные толпами, кондитерские и шикарные бутики района Флорида. Вчера он смотрел, как строевым шагом сменяется военная стража у президентского дворца Каса Росада, а вокруг полным-полно зевак, преклоняющихся перед всем армейским. Что ж, армия – стабилизирующий общественный институт в Аргентине, так же как и повсюду. Только немцы из кожи вон лезут, разрушая собственные традиции в угоду коллективному чувству вины, сквозь зубы бормочет он в вагоне метро, везущем его

² Уильям Пауэлл (1892–1984) – ныне полузабытый голливудский актер-красавчик 1930–1940-х годов, прославился главной ролью в фильме «Великий Зигфилд» о постановщике музыкальных ревю на Бродвее.

в каморку «Палермо».

Повсюду хорошенькие дамочки, цветы, бродячие псы, платаны и эвкалипты, плывущий душок от сигар и жареного мяса, и бутики, в которых выбор лучше, чем в Европе. Газетные киоски украшают фотографии Альфредо ди Стефано в белой футболке с красной полосой клуба «Ривер Плейт», а рядом портреты Карлоса Гарделя и Агустина Магальди соседствуют с дешевыми изображениями Девы Марии и передовицами «Синтониини» – иллюстрированного журнала о светилах и звездах.

Грегор вскакивает в трамвай, окруженный суматошным гамом пешеходов и автомобилей, – метрополия с самого своего основания гостеприимна к дезертирам и шарлатанам. Он ни с кем не заговаривает. Едва завидев рыжебородых евреев, детей тех *rusos*³, что в начале века бежали от царских погромов, переходит на другую сторону улицы. На своей карте города он обвел красным карандашом квартал Вилья-Креспо и площадь Онсе, где евреи пооткрывали множество пошивочных ателье, потому что боится встретиться с призраком из Освенцима – тот может его разоблачить.

Грегор не так уж тоскует. Аргентина с ее бурным развитием – самая успешная страна в Латинской Америке. С тех пор как войне пришел конец, разоренная Европа покупает у нее продовольствие. Буэнос-Айрес кишит кинозалами и театрами; крыши серы, а школьники носят строгую одинако-

³ Русских (*исп.*).

вую форму. И, как и в Германии времен Рейха, здесь настоящий культ *лидера* нации, дуэта: медведь в опереточном мундире и рядом воробушек в драгоценной оправе. Заступник и жертва: со всех стен столицы победоносно улыбаются Хуан и Эвита Перон.

Грегор борется со скукой, следя за их романом по газетам. Встретились в январе 1944-го на благотворительном гала-концерте в помощь пострадавшим от землетрясения, несколькими днями раньше разрушившего Сан-Хуан. Юная актриса Эва Дуарте была очарована полковником Пероном, одним из видных офицеров той камарильи, что правила страной, глашатаем прав обездоленных, умелым спортсменом, непревзойденным краснобаем, с зорким взглядом и индейскими чертами лица: он призвал всю страну к мобилизации, чтобы помочь опустошенному городу.

После празднества Перон приходит на радиостанцию, где подрабатывает Эвита, и вот Эвита уже в Министерстве труда, где Перон шлифует ее будущее. Ее пылкость и благородство впечатляют его: он принимает девушку в свой секретариат, и вскоре они начинают жить вместе. Следуя его указаниям, Эвита рассыпается в излияниях: «Перон – мое солнце, мои небеса, он мой кондор, парящий в такой дальней вышине, за вершинами гор, рядом с Богом. Он – смысл моей жизни».

Поднажав, Перон получает новое повышение по службе. Вот он уже военный министр и вице-президент. Он увеличивает военный бюджет, из ничего создает целую армию и разжигает в радиовыступлениях кампанию о некоей угрозе на-

падения со стороны бразильского соседа, который нападать никогда и не собирался. Под конец мирового конфликта Соединенные Штаты давят на военную хунту: пусть проведет свободные выборы. В сентябре 1945 года проходит крупный марш за свободу – противники режима высыпали на улицы. Аргентина кипит и грохочет, офицерские сообщества раскалываются, самые либерально настроенные избавляются от националистов, Перона арестовывают и отстраняют от всех должностей. Его сторонники восстают, повинаясь призыву Всеобщей конфедерации труда: рабочие, профсоюзники и отбросы общества идут строем на Буэнос-Айрес – на Пласа-де-Майо – и, встав прямо у решетчатых оград президентского дворца, требуют его освобождения и возвращения в правительство. Перон женится на Эвите и через несколько месяцев побеждает на президентских выборах.

Эвита и Перон похожи: оба провинциальны, оба честолюбивы, оба настроены реваншистски. Он – вскормлен пустынными прериями провинции Чубут, отец – горемыка-неудачник, мать – ветреница; она – незаконная дочь известного провинциального деятеля и двоеженца. В 1911 году, когда шестнадцатилетний Перон поступает в военное училище, Эвита еще не появилась на свет. Служба в Андах, на Паране, в провинции Мисьонес, на Амазонке превращает его в прекрасного наездника – юный солдат с удовольствием скачет по просторам Аргентины и с удивлением чуть ли не впервые видит пеонов, согбенных от тяжелого труда, рабочих из ско-

тобоен Буэнос-Айреса, с которыми обращаются хуже, чем с пригнанным на забой скотом. Неравенство в богатой стране, где закон диктует главный поставщик сырья для Англии: англичане контролируют сеть железных дорог, банки извлекают неплохую прибыль из богатейших залежей пампы и бескрайних лесов красного кебрачо, из которого добывают танины. Крупные землевладельцы захватывают власть и устраивают роскошные приемы. В Буэнос-Айресе дворцы соседствуют с лачугами, театр Колумба⁴ – с борделями в Ла-Бока⁵.

Кризис 1929 года разоряет Аргентину. Множится число безработных и бездомных, страну парализуют стачки, деревни захватывают банды анархистов. Перон с трудом сдерживает ярость. Продажные власти, равнодушные к несчастьям сограждан, устраивают искусственный товарный дефицит, восхваляют демократию, но уклоняются от выборов. 1930-е годы: курильни опиума, финансовые скандалы, эфир и кокаин, вооруженные налеты. В середине этого постыдного десятилетия Эвита, еще подросток, приезжает покорять Буэнос-Айрес, собираясь стать актрисой.

Простодушную худышку обманули бессовестные продюсеры. Эвита взбешена: она ничего не забывает и никогда не прощает. Она мечтает выкурить предателей из их гряз-

⁴ Театр Колумба, или театр «Колон» (*исп.* Teatro Coln, по имени Колумба – *исп.* Cristbal Coln, *итал.* Colombo, *лат.* Columbus) – оперный театр в Буэнос-Айресе.

⁵ Ла-Бока – квартал в юго-восточной части Буэнос-Айреса, в те годы – место проживания городской бедноты.

ных логовищ, обезглавить сахарных и скотоводческих баронов, снюхавшихся с иностранными капиталистами, готовы растоптать простых людей, таких же, как она сама. Эвита еще фанатичней, еще яростнее, чем Перон.

И вот 1946-й: они хозяева Аргентины, их поддерживают церковь, военные, националисты и рабочий класс; час битвы настал.

Чета Перон стремится раскрепостить Аргентину и провозглашает эстетическую и индустриальную революцию, власть плебеев. Президент Перон яростно бушует и порицает, обращаясь по радио к ошеломленным массам; он грозит кулаком и бахвалится, обещая покончить с унижениями, зависимостью, устроить сказочную жизнь, совершить большой скачок: он – спаситель нации, и перонистский хустисиализм⁶ наконец впишет Аргентину в анналы истории.

Перон – первый политик, перевернувший старое, сельское и колониальное аргентинское общество. В бытность госсекретарем он благоволил рабочему классу; став президентом – делает финансовые вливания в коммунальное хозяйство при поддержке Всеобщей конфедерации труда, интегрированной в чудовищный госаппарат. Рост и самообеспечение, гордость и достоинство – Перон отменяет привилегии олигархии, строит планы, исполненные величия, централизует и национализует железные дороги, телефонные службы, стратегические сегменты, остающиеся в руках иностранцев.

Икона активно разворачивающейся радикальной модер-

⁶ Хустисиализм (от *исп.* *justicia* – «право, справедливость, юстиция») – политическая доктрина, сформулированная самим Пероном и провозглашавшая создание в Аргентине «справедливого государства».

низации – это Эвита. Мадонна бедняков в роскошном платье принимает профсоюзные делегации, посещает больницы и заводы, открывает участки дорог, раздает зубные протезы и швейные машинки, разбрасывает пачки песо из окон поезда, на котором неутомимо бороздит страну. Она открывает фонд социальной помощи безрубашечникам⁷, всем обездоленным, и произносит вдохновенные перонистские речи за границей под крики ликующей толпы. В 1947 году, в ходе «радужного тура», ее принимают папа и главы многих государств.

Чета Перон, проводники божьей воли в народные массы, предпочитает сделать этот авторитарный и националистический новый режим закрытым. Они проводят чистки в университете, в судебной системе, в прессе и властных структурах; утраивают личный состав спецслужб, вездесущих типов в бежевых габардиновых пальто и коричневых костюмах. Перон вопит: «Эспадрильям – да; книгам – нет!»⁸; Хорхе Луис Борхес, уволенный с работы в городской библиотеке, отправлен в инспекторы по продажам дичи и кроликов.

⁷ Безрубашечниками, или дескамисадос (от *исп.* descamisado – «без рубашки»), называли сторонников Перона, происходивших из социальных низов; слово нередко носило оскорбительный характер.

⁸ Эспадрильи (*исп.* espadrillas) – ныне вид легкой женской обуви; в те годы в Аргентине – скорее домашние женские тапочки. Смысл – в обычном для любой консервативной власти призыве к соблюдению семейных ценностей: нечего умничать и стремиться к европейской эмансипации, необходимо как можно добросовестнее блюсти домашний очаг.

Перон размышляет о мире. Человек – кентавр, раздираемый противоположными и злыми устремлениями, он несется вскачь в облаке пыли в поисках рая. История – повесть о людских противостояниях; капитализм и коммунизм превращают индивидуума в насекомое: первый его эксплуатирует, а второй – порабощает. Лишь перонизм превзойдет и индивидуализм, и коллективизм. Вот простое и популистское кредо, выдвигающее доселе неизвестный компромисс между плотским и духовным, монастырем и рынком. Перон предлагает людям резко качнуть маятник: аргентинцам пора покончить с эпохой кентавров, став народом христианским, государствообразующим и социалистическим.

Кентавры и безрубашечники, невероятная гармония перонистских противоположностей – Грегору все это безразлично. Его сейчас заботит только одно – надо оглядеться и спасти свою шкуру.

С приходом южной весны он прекращает прогулки. В середине сентября 1949 года получает вид на жительство и устраивается плотником в Висенте-Лопесе⁹, где снова поселяется в мышиной норе с грязным окном, деля ее с инженером и его маленькой дочкой. Ночью Грегора будит плач ребенка. С пылающим лбом, смертельно побледневшая, девочка бьется в судорогах, и обезумевший отец умоляет Грегора, с которым еще не обменялся даже и парой слов, как можно скорее найти доктора. Грегор шепчет инженеру на ухо: он сам мог бы полечить девочку, но при одном условии – тот никому не расскажет об этом, а если не согласен, пусть выкручивается сам, он и пальцем не пошевелит, и его дочь умрет, а если он потом предаст его, то пусть пеняет на себя.

Никто не должен знать, что он врач. Он, в годы обучения в лучших университетах Германии презиравший таких хватающихся за любое дело работяг, как и любое ручное ремесло, теперь вскрывает полы и сбивает брус; ему, пустившие-

⁹ Висенте-Лопес – городок, граничащий с южными пригородами Буэнос-Айреса и являющийся частью агломерации Большой Буэнос-Айрес.

муся в бега, пришлось привыкать к грубой физической работе, неподобающей его персоне. На баварской ферме случалось вычищать конюшню, подрезать деревья, пахать землю. Здесь, все эти долгие недели хмурой, уединенной жизни с самого приезда в Буэнос-Айрес, он страшится неверного шага, роковой встречи и боится собственной тени; Грегор опутан с головы до ног. Каждый день он ходит на работу разными дорогами. То и дело тут и там слышится немецкая речь, но он не осмеливается заговорить. Он мечтает о свиной рульке с яблочным соком в каком-нибудь из немецких ресторанов, которые увидел во время своих зимних прогулок: прямо в центре есть «АВС», на авениде Крамера – «Цур Эйхе», а в квартале Чакарита еще и «Отто», – но он никогда не позволяет себе просто толкнуть дверь и войти, как не может и заговорить на людях по-немецки. У Грегора сильный баварский акцент. Не может быть и речи о том, чтоб просто купить «Дер Вег» – ежемесячный журнал, ратующий за свободу и порядок. Грегор утешается, получая почту, которую ему до сих пор присылают в отель «Палермо». Спасибо другу Зедльмайеру, он все еще на связи с Иреной и ее семьей: через этот почтовый ящик Грегор посылает ей письма, полные грусти, а Зедльмайер в ответ отправляет ему послания и денежные переводы от его родителей. В стране все налаживается. Семейное предприятие по продаже сельскохозяйственных машин процветает, тачки и комбайны расходятся «как горячие пирожки», – хорохорится отец. Германия еще

не встала из руин и только начинает подниматься. Отец – Большой Карл – ждет его: как только «друзья-реваншисты прекратят пустячные придирки», он восстановит права семьи и созовет административный совет предприятия. «Йозеф, перестань хныкать, ты ведь бился на Восточном фронте, ты уже не ребенок. Наберись терпения, никому не верь, все еще будет хорошо».

Запершись на два оборота в каморке, покинутой инженером и его дочерью, Грегор слушает оперу Штрауса и жадно перелистывает «Дер Вег». Два дня назад, в приступе головокружения, он выпустил из рук пилу и едва не рухнул с деревянных лесов высотой в несколько этажей. Жизнью он обязан проворству бригадира стройки. Тогда-то, устав прозябать без цели и надеяться на возвращение мифического Мальбранка, он побежал в киоск и, купив журнал для ностальгирующих по черному режиму, сунул его под куртку.

Поэмы, напыщенная проза, расистские и антисемитские статьи – как будто Третий рейх вовсе не обрушился, – Грегор наслаждается тевтонским китчем тех писателей, которым в Германии заткнули рот, как только высадились союзники и кончилась война. Он внимательно просматривает объявления на последней странице, узнавая о существовании изысканных бакалейных лавок, пивных, туристических агентств, адвокатских контор и книготорговцев, всего громадного германо-аргентинского космоса столицы, и радуется: как знать, а вдруг ему суждено вылезти из пещеры и его жизнь в Буэнос-Айресе наконец начнется по-настоящему.

На следующий день, закончив работать, Грегор заходит в офис издательства «Дюрер», дом 542 по авениде Сармьенто и знакомится с Эберхардом Фрицшем, его директором и

редактором «Дер Вег». Сидящий за массивным письменным столом Фрицш разглядывает «гауптштурмфюрера» Грегора, который предложил свои услуги, уклончиво ответив на вопрос о своей фамилии и выдав послужной список: в 1937-м вступил в нацистскую партию, годом позже – в ассоциацию нацистских медработников и в СС, потом – военная служба в Тироле, корпус альпийских стрелков, добровольцем ушел в войска СС, потом, в оккупированной Польше, – работа в Главном управлении СС по вопросам расы и поселения, после введения в действие плана «Барбаросса» воевал на Восточном фронте в дивизии «Викинг», вошли в Украину, наступали на Кавказе, битва за Ростов-на-Дону, захват Батая, Железный крест первой степени. Сияя самодовольством, Грегор подробно рассказывает Фрицшу, как помог двум танкистам вылезти из горящей машины. Вспоминает о своем назначении в лагерь военнопленных в Польше, но не упоминает Освенцима, тяжело вздыхает о горькой судьбине изгнанника и об обожаемой и оккупированной родине, сетует на чрезмерную необъятность Буэнос-Айреса и тоскует по военной форме. Ему нужно кому-то излить душу.

Фрицш закуривает и сочувственно кивает. У него до сих пор чудесные воспоминания о единстве гитлерюгенда, в который он вступил четырнадцатилетним, в 1935-м, когда в первый и единственный раз побывал в Германии, и он ни на йоту не верит пропаганде союзников, приписывающей нацизму «все это вранье, выдуманное евреями». Издательство

«Дюрер» он основал для помощи таким вот солдатам, как Грегор. Он предоставляет колонки и страницы литературным певцам «крови и почвы»¹⁰, платя им сногшибательные для такого голодного времени гонорары, расплачиваясь бульонными кубиками, мясными консервами и какао-порошком; для товарищей, оказавшихся на берегах Ла-Платы, он устраивает собрания, подпольные организации. Молодой Фрицш уверяет Грегора, что «у него длинные руки» и опасаться тому нечего: в Аргентине, краю беглецов, огромном, как Индия, прошлого не существует. Никто не спросит у него, откуда он и зачем здесь. «Аргентинцам наплевать на европейские дразги, и они вечно ругают евреев за то, что те распяли Христа».

Грегор слушает, как ликующий Фрицш рассказывает ему о празднестве в буэнос-айресском луна-парке в честь годовщины аншлюса; о том, что Аргентина, официально соблюдавшая нейтралитет, во время войны служила мостом из нацистской Германии в Южную Америку. Немцы отмыли здесь много миллионов долларов и обеспечили себя и валютой, и сырьем. Их разведслужбы основали в Буэнос-Айресе свою штаб-квартиру. «Отсюда было организовано свержение проамериканского боливийского правительства в 1943 году. Перон со своими полковниками, в том же году захватившие

¹⁰ Идеология «крови и почвы» (*нем.* Blut-und-Boden-Ideologie), то есть национального крестьянства как основы общественного процветания, была взята на вооружение национал-социализмом и составляла суть его культурно-воспитательной политики.

власть, искали союзника в фюрере. Они применяли насилие при разгоне манифестации в честь освобождения Парижа и запретили широко показывать “Великого диктатора” Чаплина. Когда Берлин пал, Перон не позволил передавать эту новость по радио: мы хотели сплотить целый блок наций, симпатизирующих нацистам, чтобы поставить янки раком. Но они заставили нас разорвать дипломатические отношения с Германией, а потом объявить ей войну. Мы противились всеми силами, до самого конца зимы 1945-го. Аргентина вступила в войну последней из всех...» Тут звонит телефон, Фрицш замолкает и спрашивает Грегора.

Вмазать бы кулаком по роже этого голубоглазенького птенчика. А лучше врезать бы кувалдой прямо по пальцам, хрясь-хрясь – ломаются фаланги, а потом и ногти, да-да, с каким бы удовольствием он повырывал все ногти у Фрицша, один за другим, они бы так и выскакивали. Стоя в ванной лачуги в Висенте-Лопесе, Грегор мимически изображает эту сцену, бормоча про себя: «Да как ты смеешь, Эберхард, дерьмовый желторотик-аргентинишка? Провел в Германии всего две недели – и ты-то вздумал учить меня с высоты твоих двадцати восьми годков? О да, “всякие там ужасы”, как ты выразился, имели место, осажденной Германии приходилось защищаться, любыми средствами давить разрушительные силы. Война тебе не детская игра, кретин недалекий, а нацизм – не только пышные балетные шествия гитлерюгенда». Грегор давит в руке тюбик зубной пасты и внезапно успокаивается – а то еще опоздает на стройку; малейшее нарушение для него невыносимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.